

Ланщикова, А. На рубеже десятилетий [Текст] : [о романе «В августе 44-го» В. Богомолова] / А. Ланщикова // Ланщикова, А. Избранное / А. Ланщикова. – М.: Современник, 1989. - С. 14-21.

В этом разговоре трудно обойти молчанием и роман В. Богомолова «В августе сорок четвертого...», на который так дружно и молниеносно отреагировала наша критика. Вероятно, именно в силу этой молниеносности характеры главных героев богомоловского произведения оказались прочитанными поверхностно, во всяком случае, характер капитана Аникушина. Создается впечатление, будто все рецензии писались по одной очень нехитрой схеме. Схема же такова: трое розыскников (Алехин, Таманцев и Блинов) в ходе выполнения операции по обнаружению и задержанию шпионско-диверсионной группы предстают перед нами как мастера своего дела, как люди беззаветной храбрости, а прикомандированный к ним в завершающей стадии операции армейский капитан Аникушин проявляет ненужное высокомерие, в результате чего погибает сам и ставит под угрозу жизнь розыскников. «Но храбрый, благородный, талантливый человек Аникушин впадает в непозволительную односторонность и предвзятость... За эту предвзятость, за неправомерность сделанных им обобщений Аникушин заплатил жизнью, пав от руки вражеского агента, принятого им за фронтового «побратима» (Ю. Идашкин).

Еще более категоричен Ал. Горловский: «А ведь и в самом деле любопытно, почему это такого героя, как Аникушин, несмотря на очевидность его культуры и образования, мы, читатели, единодушно (на счет единодушия надо бы немного поосторожнее. — А. Л.) выводим за рамки полюбившихся героев? Уж не за тот ли вполне невинный сам по себе порок (он с лихвой перекрывается достоинствами капитана) — некоторое высокомерие, некоторый снобизм, что ли? Но это высокомерие, неуважение к чужому труду чуть не стоили жизни Алехину!» Тут так говорится, будто сам Аникушин остался цел и невредим.

«Болезненное самолюбие, — пишет Л. Лазарев, — столь частый «спутник» таланта, постоянно осложняет его (Аникушина.— А. Л.) жизнь. Из-за страха как-то уронить свое достоинство он иногда держится надменно, свысока».

Примерно в том же духе высказывались и другие рецензенты.

Разумеется, каждый волен по-своему оценивать характеры героев и делать те выводы, к которым он приходит в результате анализа произведения, однако никто не волен игнорировать авторский текст и тем более искажать его по своему усмотрению.

Во-первых, болезненное самолюбие, о котором пишет Л. Лазарев, не имеет никакого отношения к Аникушину, по крайней мере в тексте

романа подтверждений тому нет. Да, Аникушин очень талантлив, но его талант был изначально признан («надежда русского вокала»). Так откуда же взяться болезненному самолюбию? Напротив, Аникушин открыт характером, демократичен, он любит людей, хотя бы потому, что талант его повсюду признавался и принимался. «Первой военной осенью, попав в армию, он ни от кого ничего не скрывал и, когда просили, охотно пел и под гитару, и под баян, и просто так — в роте любили его слушать». Интересно, где же тут высокомерие?

Во-вторых, расходится с текстом, и весьма существенно, данная Лазаревым характеристика капитану Аникушину. У Лазарева: «Выросший в семье кадрового военного, он под влиянием отца воспитал в себе привычку к крутым и бесповоротным решениям, которым он следует, невзирая ни на что, ни на какие последствия, вопреки всему и всем». У Богомолова: «У него были свои убеждения, твердые, созревшие под влиянием отца понятия о мужском достоинстве и чести».

Как видим, характеристики отнюдь не идентичны. У Богомолова говорится о том, что у Аникушина были собственные убеждения, а от отца воспринял «понятия о мужском достоинстве и чести», Лазарев же утверждает, что под влиянием отца Аникушин «воспитал в себе привычку к крутым и бесповоротным решениям». Конечно, наделив Аникушина некоторыми несвойственными ему чертами, Лазарев вправе был говорить и о болезненном самолюбии, и о надменности.

Ал. Горловский поступает и того проще, он, по сути дела, подгоняет Аникушина под тему своей статьи («Не эрудицией единой...»). «Да, оказывается, — пишет он, — человек, свысока позволявший себе относиться к чужому труду, не может быть интеллигентом. И никакая эрудиция не способна спасти его (то есть Аникушина. — А. Л.) авторитет». В романе же нет и намека на то, что Аникушин претендует на эрудицию. Проблема «эрудиция и интеллигентность» пришла в нашу жизнь гораздо позже, и она никаким краем не задевает Аникушина. Что же касается интеллигентности или неинтеллигентности капитана Аникушина, то здесь не все так просто, как это представляется Ал. Горловскому.

Ю. Идашкин полагает, будто Аникушин заплатил жизнью «за предвзятость, за неправомерность сделанных им обобщений», а Ал. Горловский на этом же основании отлучает его от интеллигентности. По-моему, здесь все поставлено с ног на голову. В мнении некоторых интеллигентность — это своего рода универсальное умение понять любые жизненные обстоятельства так, чтобы облегчить себе жизнь. По логике Ал. Горловского получается: будь Аникушин во всех обстоятельствах жизни более податливым, он не подверг бы опасности Алехина, не погиб бы сам и еще заслужил бы звание интеллигента.

Нет, интеллигентность не облегчает жизнь, скорее, она ее

осложняет, и порой весьма значительно, ибо интеллигентность — это дополнительный груз нравственных и гражданских обязанностей и никаких дополнительных прав. И не предвзятость привела к гибели капитана Аникушина, а интеллигентность, повышенное чувство человеческого достоинства и офицерской чести. А если уж говорить о предвзятости, то почему мы обвиняем в ней только Аникушина?

Например, Л. Лазарев очень добросовестно исследует причины возникновения взаимной неприязни между Аникушиным и розыскниками. «У розыскников, — пишет он, — это крайне настороженное отношение ко всем «прикомандированным». Им не раз приходилось убеждаться, иногда самым трагическим образом, что в сложных ситуациях «прикомандированные» из-за неподготовленности могут подвести, рассчитывать на них нельзя, и присылают их большей частью для «числа», как бы мы теперь сказали, для «галочки», а не для дела. Аникушин же, которому как-то пришлось столкнуться с тупой подозрительностью уполномоченного особого отдела, пытавшегося его запугать, обвинить бог знает в чем, с недоверием относится к его коллегам из контрразведки».

Итак, от «прикомандированных» бывает мало толку, а зачастую их участие в операциях приводит к трагическим последствиям. Розыскники об этом знали, но что они в данном случае сделали для того, чтобы предотвратить трагическое последствие? Ничего. И строгая секретность тут ни при чем, даже в самых жестоких пределах этой строгой секретности можно было более обстоятельно ввести капитана в курс предполагаемых их ближайших действий. Предвзятость розыскников вроде бы оправдывается обстоятельствами. А разве предвзятость Аникушина так уж ничем и не оправдывается? Однажды он, как пишет Лазарев, столкнулся с «тупой подозрительностью уполномоченного особого отдела». Но и теперь Аникушин столкнулся с тем же самым: он же не мог знать, что Алехин только разыгрывает «тупую подозрительность», будучи на самом деле весьма умным человеком.

Говоря о романе «В августе сорок четвертого...», Л. Лазарев довольно часто происходящие в нем события соотносит с жизнью и даже употребляет термин «литература жизни». Так вот, сделаем и мы одно допущение, жизненное допущение. Предположим, что задержанные оказались настоящими офицерами. Между прочим, в романе как раз приводится много случаев, когда задерживали по подозрению офицеров, а потом их, естественно, отпускали. Лазарев наверняка скажет, что, разобравшись, отпустили бы и этих. Но это только в «литературе литературы», против которой законно он ополчился, из подобной ситуации выводится лишь один-единственный вариант последующих событий. Жизнь, однако, имеет Дело с живыми людьми, а каждый человек — это неповторимый, а порой еще и неожиданный характер.

Неужели опытный Алехин не понимал, что своими действиями он мог спровоцировать не только членов диверсионно-шпионской группы, но и просто не очень выдержанных офицеров? Да и обстановка должна была ему подсказывать: лес, трое — против двоих патрулей. Нет, ни один патруль не стал бы злоупотреблять своими правами, и именно по причине: как бы не спровоцировать задержанных на необдуманные действия, на преступление. Кому неизвестно, что в военное время оружие порой выхватывалось и в более безобидных ситуациях.

По мнению рецензентов романа, Аникушин своим поведением весьма осложнил действие группы Алехина. Да, это так, но только с точки зрения «литературы литературы». Аникушин на самом деле не понял «игры» Алехина и искренне оскорбился за офицеров, которых они задержали и которых теперь так грубо допрашивали. Он как истинный интеллигент умел оскорбляться не только за себя, но и за других. Аникушин стал жертвой собственной интеллигентности. Но так ли уж бесполезна его жертва?

Мне почему-то думается, что навряд ли Мищенко - шпион № 1, шпион экстра-класса! — мог бы «купиться» незамысловатой «игрой» Алехина, постепенно, но настойчиво подбиравшегося к вещмешку, в котором находилась рация. Этот матерый шпион наверняка «расколол» бы Алехина, но его ввела в заблуждение непреднамеренная «игра» Аникушина. Вероятно, Мищенко виделось: интеллигентный патрульный офицер, смущающийся за действия «прикомандированного» к нему тупого в своем рвении капитана. И Мищенко, видимо, надеялся, что в конце концов этот настырный капитан успокоится. И если уж говорить о «прокачке», то Мищенко был «прокачан» именно Аникушиным — такую «игру» не придумаешь, и опытный шпион как раз и «погорел» на непрофессионализме Аникушина.

К «помощи» Аникушина прибегает и сам автор, заставивший его сделать непредусмотренный в его действиях шаг в сторону и загородить Мищенко от Таманцева. Стрелять пришлось молодому Блинову, он метил в конечность, а попал в голову и уложил Мищенко наповал. А если бы Блинов попал в конечность? Наверняка выскакивающих из кустов Таманцева и Блинова встретили бы меткие пули — раненый зверь, как известно, опаснее вдвойне. Вот тогда бы и потребовалась та самая операция, против которой по понятным причинам были розыскники и их шеф Поляков и против которой (уже по непонятным причинам) высказывались рецензенты романа.

Когда я думаю о капитане Аникушине, мне невольно вспоминаются многие герои бондаревских произведений. И мне почему-то кажется, случись на месте Аникушина, предположим, тот же, но уже, естественно, повзрослевший и возмужавший к лету сорок четвертого года лейтенант Кузнецов, он в данной ситуации мало чем

отличался бы от капитана Аникушина. Вероятней всего, и смерть принял бы точно такую же. А думая о Кузнецове, мне вспоминается и другая сторона жизни Аникушина, нет, не боевая даже, а его личная — его рыцарское отношение к женщине.

«В силе и глубине своих чувств к Леночке он ни на йоту не сомневался, и потому его так волновало ее отношение к нему. Он знал, что симпатичен, нравится ей, она этого не скрывала, как не скрывала, впрочем, и своего расположения к грузину, начальнику отделения. «Хирург божьей милостью!» — не раз с восхищением говорила она».

К этому следует добавить, что «хирург божьей милостью» к тому же любил еще поиграть на гитаре и спеть...

«Мысль о соперничестве, о том, что он может потерять и Леночку, страшила его. В запасе у него, правда, имелся козырь, которым ему никоим образом не хотелось воспользоваться. Как она, ценившая в людях талант, могла понимать его, не зная о самом для него заветном?.. Но не за голос же, не за голос и не за красивую наружность она должна была его любить...»

Ах, как многие в подобных случаях начинают сразу же ходить с козырей, с самых крупных, а порой даже с единственных. Нет, Аникушин вовсе не собирался прельщать или покорять Леночку, он хотел заслужить ее расположение, заслужить ее любовь, и не тем, что, как говорится, от бога (красивая наружность, голос и т. д.), а тем, что от самого себя, то есть своим духовным содержанием. Любовь для интеллигента прежде всего знаменуется повышением требовательности к себе и является одним из самых сильных стимуляторов нравственного самоусовершенствования. И о новом военном костюме Аникушин заботился вовсе не потому, что хотел выделиться среди других, а потому, что в своих отношениях с Леночкой он ничего не хотел уступать войне, даже если речь шла о его внешности.

Интеллигенция и война. Мне эта проблема представляется крайне важной. Трагедийные годы Великой Отечественной войны спроецировались в последующем на многие процессы нашей общественной жизни; тут и обостренное чувство ответственности за духовный мир человека, на который война обрушилась всей своей тяжестью; тут и неожиданное возбуждение исторической памяти, что потом отозвалось многими продуктивными поисками в области всех сторон нашей интеллектуальной жизни.

Война, помимо всего прочего, это еще экзамен на человечность, ежедневный, ежечасный экзамен. И не только тогда, когда идет бой, но и в условиях повседневности, за кажущейся простотой которых таится сложность человеческих отношений, отягощенных жестокими принципами обязательной взаимовыручки. И именно усилиями таких людей, как богомолковский Аникушин или бондаревские Новиков,

Кузнецов, Давлатян, в суровые армейские будни внедрялись черты внутреннего благородства, черты воинского рыцарства, поднималось достоинство человека-воина, стремящегося, несмотря ни на что, к красоте человеческих отношений. И все-таки, хотя нравственный поиск героя-интеллекта носил во время войны самостоятельный характер, он по своей природе не был автономным, изолированным от нравственных идеалов и исканий самого народа, напротив, своим происхождением он как раз был обязан этим идеалам и исканиям, в силу чего только и мог обрести достаточную жизнестойкость и необходимую универсальность.

История интеллигенции — это всегда история ее служения своему народу и своей Родине, и в час, когда зашла речь об исторической судьбе самого народа, интеллигенция, будучи частью народа, исполнила свой священный долг. Конечно, любая личность может быть рассмотрена как с точки зрения ее прав, так и с точки зрения ее обязанностей. Вероятно, последнее рассмотрение дает больше возможностей обнаружить истинные масштабы духовных ресурсов этой личности, что и склоняет нас вновь и вновь обращаться своей памятью к минувшим временам Великой Отечественной войны, временам, когда каждый характер не только как бы выставлялся в очевидность, но и получал направление своего дальнейшего развития. Потому-то приход в нашу литературу героя-интеллекта именно через произведения о Великой Отечественной войне необходимо считать не случайностью, а той закономерностью, которая подтверждает, что современный литературный процесс развивается в согласии с духовной жизнью народа, обусловленной ходом самой истории.